

© 2011 г.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВАГ.

Интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А.А. Галкиным

Главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор исторических наук, профессор А.А. Галкин известен отечественной и международной научной общественности как вдумчивый и объективный исследователь проблем генезиса, кризиса и краха германского национал-социализма. В то же время этого ученого, автора более чем 300 научных работ (в том числе и 17 монографий), отличает по-настоящему современное, философски осмысленное видение прошлого и настоящего нашего Отечества, эффективное постижение проблем политической социологии, массовой психологии и многих других проблем современного российского общества.

Нам повезло узнать А.А. Галкина с неожиданной стороны – в качестве сотрудника Бюро информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Несмотря на то, что с момента событий, о которых идет речь в интервью, прошло более полувека, нельзя не удивляться прекрасной памяти А.А. Галкина, его профессиональному научно-историческому подходу, в основе которого – верность факту, историзм и объективность.

Предлагая читателям запись бесед с А.А. Галкиным, проходивших периодически на протяжении четырех лет, мы рассчитываем дать более полное представление о событиях того непростого послевоенного времени.

С.Н. Мудров,

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ярославского высшего зенитного
ракетного училища ПВО

* * *

С.М.: Александр Абрамович, расскажите, пожалуйста, как Вы попали на работу в Бюро информации Советской военной администрации в Германии?

А.А.: В Бюро информации я попал в самом конце августа 1945 г. и работал в нем до октября 1949 г. Произошло это неожиданно. Нашу 1-ю гвардейскую армию, в которой я провел значительную часть войны, расформировали. Меня направили в резерв Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА), где я находился около двух месяцев. И вот однажды меня вызывают на беседу в здание на Фрунзенской (ныне – Знаменской) улице.

Вел беседу полковник Беляев, работавший в управлении кадров и курировавший так называемые 7-е отделы, занимавшиеся “разложением войск противника”. При этом присутствовал незнакомый мне человек в штатском. Разговор, как мне тогда показалось, был довольно общим. Где воевал? Чем занимался, когда попал в систему 7-х отделов? Я сообщил о себе все, как мне казалось, существенное. Мне сказали

“спасибо, свободен”, и я отправился к себе, в распоряжение резерва – у стен Донского монастыря.

Существенного значения произошедшему я не придал и вскоре забыл об этом разговоре. Тем более неожиданным оказались его последствия. Через неделю меня вновь вызвали на Фрунзевскую и сообщили, что, если нет обоснованных возражений, меня откомандировывают в распоряжение СВАГ для работы в Бюро информации. Заодно выяснилось, что человек в штатском, присутствовавший при разговоре, который вел Беляев, – И.И. Тугаринов¹ – вновь назначенный начальник этого самого Бюро. Возражений у меня, естественно, не было.

Дальнейшее оформление было предельно простым. В Совинформбюро, которое помогало формировать Бюро информации СВАГ, мне вручили командировку, назвали срок и место вылета (военный аэродром, размещавшийся тогда почти в центре города, там, где сейчас расположен так называемый аэровокзал) и пожелали счастливого пути.

В Берлине на плохо оборудованном, наспех приведенном в порядок летном поле, которое уже тогда носило гордое наименование аэродром “Шенефельд”, нашу группу встретил заместитель директора Бюро информации Г.М. Беспалов² – незаурядный человек, ставший впоследствии моим близким другом и сыгравший огромную роль в моей жизни. Вот так я попал в Берлин.

Через 2 часа после прилета, едва приведя себя в порядок, я оказался на очередной беседе. Меня опять спросили, что я умею делать и тут же назначили на должность выпускающего редактора отдела по изучению западных зон Германии. Для скромного гвардии капитана, каким я был в то время, это была вполне достойная “майорская” должность.

Спустя некоторое время я стал заместителем начальника, а потом, в 1949 г., – начальником Отдела информации по западным зонам оккупации Германии Бюро информации СВАГ. Впрочем, военная карьера у меня не сложилась. Быть кадровым военным я не хотел и в 1947 г. добился демобилизации как “специалист народного хозяйства” (во всяком случае, такой была формулировка в соответствующем приказе). Последующие годы пребывания на работе в СВАГ я провел в статусе “вольнонаемного”, который меня вполне устраивал.

С.М.: Расскажите, пожалуйста, что представляло из себя Бюро информации, какое место оно занимало в структуре СВАГ и в чем заключалась Ваша конкретная работа в Бюро информации?

А.А.: Бюро информации Советской военной администрации в Германии было образовано 1 июня 1945 г. на основании решения ЦК ВКП (б) и СНК СССР на базе газеты 1-го Белорусского фронта “Берлинер цайтунг”. Основные задачи Бюро заключались: в информировании правительства СССР и командования СВАГ о политической жизни Германии и наиболее важных событиях международной жизни; в изучении англо-американской пропаганды на Германию и ведение контрпропаганды; в обеспечении немецкой прессы советской оккупационной зоны и советского сектора Берлина международной и внутригерманской информацией, а также фотоматериалами и пропагандистскими статьями о Советском Союзе. Свое существование Бюро информации прекратило в связи с приказом Главнокомандующего СВАГ от 3 августа 1949 г.

Бюро информации состояло из небольшой группы советских офицеров и более многочисленного коллектива немецких специалистов. В их числе были журналисты,

¹ *Тугаринов Иван Иванович* (1905–1966) – с 21 июля 1945 г. по 14 февраля 1946 г. – начальник Бюро информации СВАГ. В 1948–1960 гг. сотрудник центрального аппарата МИД СССР. В 1960–1963 гг. – заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР, член Коллегии МИД СССР. В 1963–1966 гг. – посол СССР в Нидерландах.

² *Беспалов Георгий Михайлович* (1904–1967) – полковник 7-го отдела ГПУ РККА. С 21 июля 1945 г. – заместитель начальника Бюро информации СВАГ, с 21 марта 1947 г. – начальник Бюро информации СВАГ. 29 августа 1947 г. освобожден от должности в связи с назначением на работу в Совинформбюро.

сотрудники отдела приема информации, технический и обслуживающий персонал. Нам досталась неплохая трофейная аппаратура, позволявшая фиксировать сообщения всех мировых информационных агентств. Одно время Бюро информации было подчинено Управлению пропаганды (информации)³. Но затем стало выходить непосредственно на руководство СВАГ.

Структуру Бюро образовывали функциональные отделы: внутригерманской информации (о положении в советской зоне оккупации), информации о положении в западных зонах оккупации, печати (снабжавшего текущей информацией периодическую немецкую прессу, выходившую в советской зоне оккупации), информации о Советском Союзе. В отдельных землях, составлявших советскую зону оккупации, действовали небольшие корреспондентские пункты: заведующий корпусом, корреспондент (советские офицеры) и небольшой обслуживающий немецкий персонал. В Берлине, учитывая его международный статус (наличие четырех секторов), была создана расширенная репортерская группа.

Эта структура отражала четыре основные функции, выполняемые Бюро информации, так, как они сложились, практически, вскоре после его создания. Первая: информировать Центр (Москву) и руководство Советской военной администрации о реальной (а не ведомственно-отчетной) ситуации в советской оккупационной зоне. Вторая: регулярно освещать общее положение и ход событий в зонах Германии, оккупированных западными державами (и попутно – для руководства Советской военной администрации – о положении в Западной Европе в целом). Третья: замещать отсутствовавшее в советской оккупационной зоне немецкое информационное агентство, снабжать выходящие в ней газеты и журналы текущей информацией о происходившем в зоне, во всей Германии и в мире. Четвертая: готовить и направлять в немецкую периодику материалы о Советском Союзе, имея в виду создание у немецкого населения позитивного отношения к нашей стране.

В соответствии с этими функциями регулярно выпускались информационные бюллетени. На русском языке Бюллетень внутригерманской информации (о положении в советской зоне оккупации), Бюллетень о положении в западных зонах оккупации, а специально для руководства СВАГ – Бюллетень о международном положении (главным образом в Западной Европе). На немецком языке издавались бюллетени текущей информации для печати и специально подобранные статьи об СССР⁴. При

³ Управление пропаганды (информации) было образовано на основании постановления СНК СССР от 5 октября 1945 г. и приказа Главного начальствующего СВАГ № 074 от 23 октября 1945 г. Непосредственное руководство Управлением возлагалось на члена Военного Совета СВАГ. Формирование управления было поручено полковнику С.И. Тюльпанову. Задачи управления заключались в организации и проведении пропаганды среди немецкого населения; в осуществлении контроля и цензуры за немецкой печатью, радио и издательствами. Подробнее см.: Советская военная администрация в Германии. 1945–1949 гг. Справочник. М., 2009, с. 291–301.

⁴ По архивным данным, которые, на сегодняшний день доступны исследователям, удалось выяснить, что одной из задач Бюро информации являлось информирование правительства СССР о политической жизни в Германии и наиболее важных событиях международной жизни. С этой целью бюро выпускало Бюллетени международной и внутригерманской информации, выходившие в свет приблизительно через 2–15 дней. Выделяют несколько таких изданий: Бюллетень иностранных радиопередач на Германию; Бюллетень внутригерманской информации (закрытый, на русском); Бюллетень международной информации (закрытый, на русском); Бюллетень англо-американских передач на Германию (закрытый, на русском); Бюллетень международной информации для руководителей КПГ (закрытый, на немецком); Бюллетень международной информации для радио, прессы и общественных организаций (на немецком); Бюллетень внутригерманской информации (закрытый, на немецком); специальные статьи для немецких газет об СССР. Кроме того, для немецких газет ежедневно выходили три бюллетеня: Бюллетень для руководящей группы СЕПГ (ежедневный, закрытый); Совершенно секретный бюллетень о разногласиях в СЕПГ, о превышении полномочий работниками комендатур и обзоры западногерманской прессы.

23 марта 1946 г. приказом Главного начальствующего СВАГ в составе Бюро информации был создан отдел экономической информации для выпуска профильного бюллетеня. За два месяца

наличии особо острых материалов выпускались специальные бюллетени под грифом “совершенно секретно”.

Около 20 экземпляров каждого из бюллетеней, издаваемых на русском языке, направлялись в Москву: членам Политбюро ЦК ВКП(б), секретарям ЦК и руководителям отделов. Несколько экземпляров шло в МИД, несколько – в ГлавПУР и несколько – в Совинформбюро.

Нередко в бюллетенях, особенно в тех, которые освещали ситуацию в советской зоне оккупации, содержались достаточно нелицеприятные материалы о просчетах, ошибках, неудачах. Эта объективная деловая информация, существенно расхолодившаяся с отчетной, была, мягко говоря, не очень приятна руководству СВАГ.

Формально Бюро информации с самого начала организационно подчинялось Советской военной администрации, считалось ее структурой. СВАГ утверждала штаты и назначения. Через нее шло финансирование Бюро. Естественно, что бюрократов в ее руководстве раздражала ситуация, при которой вроде бы нижестоящая структура, по сути дела, им не подчинялась, сохраняла прямые выходы на руководство в Москве и нередко посылала туда критическую информацию, противоречившую официальным данным.

Поэтому отношения с руководством СВАГ складывались у Бюро сложно. Но пока Главнокомандующим Группой советских войск в Германии и Главноначальствующим СВАГ в 1946–1949 гг. оставался маршал В.Д. Соколовский, человек умный и интеллигентный, все попытки очернить нашу работу не давали результатов. Как нам передавали, в ответ на очередную атаку на нас он обычно отвечал: “Не придирайтесь к журналистам, пусть работают. Не очень приятная информация, но, по большому счету, нам самим на пользу. А то мы только сами себя хвалим”. Не исключаю, что и в Москве кое-кому было очевидно, насколько полезно располагать альтернативным, неведомственным источником информации. Поэтому нас до поры, до времени не трогали.

Это, правда, не мешало высшему руководству то и дело посылать к нам проверочные комиссии⁵. Кстати, я бы не рекомендовал нынешним исследователям, изучающим историю СВАГ, полностью полагаться на отчеты этих комиссий, хранящихся в архивах. Поездка с проверкой в Берлин (как никак, а за граница) была, как тогда говорили, делом “хлебным”, поэтому к ней обычно активно стремились. А раз стремились, то ее необходимость надлежало доказывать. Следовательно, надо было создавать у руководства впечатление, что без регулярных визитов “на места” все пойдет прахом. Соответственно составлялись и отчетные документы. Они представляли собой концентрацию перечисляемых действительных и мнимых недостатков. Некоторые из них выглядели буквально как зубодробительные доносы. Поэтому к подобным

фактической работы отдел подготовил пять бюллетеней, посвященных различным вопросам экономической политики в советской и западных оккупационных зонах Германии.

Таким образом, информация в бюллетенях должна была отражать все стороны жизни Германии. Данные издания были одним из прямых источников о состоянии дел в Германии для советского руководства, исходя из полученной информации, принимались те или иные решения. К сожалению, нет возможности выяснить степень влияния работы Бюро информации на политику Москвы в Германии.

Необходимо отметить, что А.А. Галкин неоднократно в беседах упоминал о том, что после возвращения из Германии в процессе своей научной работы так и не смог найти в архивах данные бюллетени. В 2007–2008 гг. в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) нами были обнаружены и частично введены в научный оборот Бюллетени международной и внутригерманской информации за 1947–1948 гг. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 363–370; 575–578; 580; 583; 584; ф. 17, оп. 137, д. 91.

⁵ Бюро информации многократно подвергалось острой критике из Москвы. Летом 1946 г. одна из комиссий, созданная ЦК ВКП(б) для проверки органов пропаганды и информации СВАГ, докладывала: “Бюро информации и пропаганды... не работают, а по существу дерутся за влияние по целому ряду вопросов. В связи с этим комиссия указывает на необходимость подчинения Бюро информации Управлению пропаганды”.

документам добросовестному исследователю полезно относиться, как говорили древние римляне, “cum grano salis” (с известной осторожностью), т.е. достаточно критически.

В начале 1949 г. Соколовского перевели в Москву. Вместо него Главноначальствующим СВАГ стал В.И. Чуйков⁶. В ответ на очередной донос он среагировал так, как того и ожидали местные бюрократы: “Развели тут всяких информаторов. А настоящей информации, как не было, так и нет. Ликвидировать!”.

Но ликвидировать Бюро информации, имевшее выходы на Москву, было непросто. Необходимо было предварительно скомпрометировать его в глазах Москвы. Для этого воспользовались первым же “подходящим” случаем. Корреспондент одного из наших корпунктов убежал на Запад. Тогда это случалось – причем довольно часто. Тем не менее данное обстоятельство было раздуто в первостепенный скандал. “Вот какие люди засели в Бюро информации! У них корреспонденты на Запад уходят”.

С И.И. Тугариновым и Г.М. Беспаловым недоброжелатели Бюро не справились бы. Но их преемник не имел равнозначной поддержки в Москве. Нас начали буквально трясти. Сняли с должности и отправили в Москву начальника Бюро подполковника Колтыпина. “Откомандировали на родину” его заместителей. Лишились должностей многие ответственные сотрудники, в том числе руководители отделов. У тех, кто в тот момент находился в отпуске, отбирали пропуска, позволявшие вернуться на работу в Германию.

Поскольку я к тому времени отвечал за выпуск бюллетеней на русском языке, меня вначале не трогали. Поэтому я задержался на работе в Бюро до сентября 1949 г. Но вскоре выпуск бюллетеней окончательно прекратили. Затем Бюро информации вообще превратили в сектор информации при вновь образованной должности Верховного комиссара СССР в Германии. С тех пор о деятельности этого сектора никто никогда и не слышал.

С.М.: Был ли контроль над информацией?

А.А.: Содержание наших материалов никто не контролировал. Считалось, что руководство Бюро и его сотрудники сами хорошо знают, что “нужно и можно”. Мы писали то, что считали необходимым, и это отсылали в Москву. У Политического советника СВАГ был работник, отвечавший за печать: С.Т. Алексеев⁷. Он курировал Бюро от Политсоветника. Но практически в наши дела не вмешивался. Просто время от времени передавал нам просьбу Политсоветника поместить в немецкой печати тот или иной материал.

Политсоветником почти на всем протяжении моего пребывания в Берлине был В.С. Семенов⁸. У него был свой аппарат, осуществлявший специфический МИДовский контроль и наблюдавший за деятельностью СВАГ⁹.

⁶ Чуйков Василий Иванович – первый заместитель главнокомандующего (1945—1949 гг.) и главнокомандующий Группой советских войск в Германии (1949—1953 гг.), одновременно с марта по ноябрь 1949 г. – Главноначальствующий СВАГ, а с ноября 1949 г. – председатель Советской контрольной комиссии (СКК) в Германии.

⁷ Алексеев Сергей Тимофеевич – сотрудник МИД СССР. С 8 октября 1946 г. – помощник начальника аппарата Политсоветника СВАГ. С 28 февраля 1947 г. – и.о. начальника Отдела внешнеполитической информации и печати Управления Политсоветника СВАГ. С 9 августа 1947 г. – начальник отдела внешнеполитической информации и печати Управления Политсоветника СВАГ.

⁸ Семенов Владимир Семенович (1911–1992) – на дипломатической работе с 1939 г. В 1940–1941 гг. советник полпреда СССР в Германии. В июне – августе 1945 г. – заместитель Политсоветника при Главноначальствующем СВАГ. С 5 сентября 1945 г. 1-й заместитель Политсоветника по общим вопросам внешней политики, начальник политотдела аппарата Политсоветника СВАГ. 31 мая 1946 г. постановлением Совета министров СССР утвержден Политсоветником СВАГ. С 1949 г. – Политсоветник председателя СКК в Германии.

⁹ 25 мая 1946 г. заместитель начальника политического отдела Политсоветника СВАГ И.Ф. Филиппов в записке на имя заместителя министра иностранных дел С.А. Лозовского ука-

В чем-то его функции пересекались с функциями члена Военного совета СВАГ и Группы советских войск в Германии. Это было источником негласных конфликтов. С одной стороны, Военный совет контролировал все структуры Советской военной администрации, в том числе Управление пропаганды, и Бюро информации. С другой, они вроде бы должны были находиться под опекой Политсоветника. Соответственно, сложно складывались деловые и личные отношения между С.И. Тюльпановым¹⁰ и В.С. Семёновым, опиравшимся на члена Военного совета. Не согласный с Тюльпановым бежал к Семенову, и наоборот. В конечном итоге приходилось выходить на уровень Главноначальствующего.

В отделе мы не занимались политической разведкой, но открытую информацию о западных зонах Германии собирали дотошно и тщательно. Она публиковалась в бюллетенях двух серий: “О положении в западных зонах Германии” и “О международной ситуации в Западной Европе”. Шли они под грифом “для служебного пользования” и направлялись в Москву в ЦК ВКП(б) и в Совмин, а также руководству Советской военной администрации.

Работы было много. Бюллетени объемом до 80-ти страниц выходили ежедневно. Для этого нужно было подобрать необходимый материал, перевести его, сверстать, вычитать и напечатать. Я приходил рано утром, просматривал поступившие материалы, отбирал то, что, с моей точки зрения, было интересно и важно, надиктовывал их перевод на русский, правил и пускал в печать.

Кроме всего прочего я готовил и специальные выпуски бюллетеня с грифом “совершенно секретно”. Мы его называли “зеленый” по цвету обложки. Туда, как правило, помещались материалы аналитического характера, составляемые на основании информации от наших корреспондентов. Кое-что поступало и от коллег – иностранных журналистов.

Пришел как-то ко мне корреспондент “Санди таймс” и принес справочник по штатному расписанию американской военной администрации с фамилиями сотрудников и номерами их телефонов. Американцы не считали его секретным и неограниченно раздавали журналистам. Он прихватил лишний экземпляр и принес его мне, а я, соответственно, поощрил его, выписав из имевшегося у меня небольшого фонда скромный гонорар в 200 марок¹¹. Решив поместить этот материал в “зеленый бюллетень”, я посвятил ему специальный выпуск.

зывает на неясность взаимосвязей между Бюро информации и Управлением пропаганды, которое претендует на руководство Бюро информации, мешает работе. Бюро стремится к тому, чтобы в международных вопросах его линию поведения определял политический советник, а по внутривнутриполитическим вопросам руководить пропагандой и делать ее должно Управление пропаганды. См.: Управление информации (пропаганды) и С.И. Тюльпанов 1945–1949 гг. М., 1994, с. 150.

В 1947 г. в проекте постановления ЦК ВКП(б) говорится о необходимости подчинения Бюро информации Управлению пропаганды. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 758, л. 162. Согласно справке о работе оргучетного отдела СВАГ, бюро в то время находилось в ведении Политического советника. – Государственный архив РФ (ГАРФ), ф. Р-7317, оп. 48, д. 1, л. 56. К маю 1949 г. бюро окончательно вошло в состав Управления пропаганды.

¹⁰ *Тюльпанов Сергей Иванович* (1901–1984) – генерал-майор, с августа 1945 по октябрь 1949 г. начальник Управления пропаганды (с 1947 г. – Управления информации) СВАГ.

¹¹ 13 октября 1945 г. начальник Бюро информации обратился к члену Военного совета с просьбой разрешить нанимать внештатных сотрудников из-за нехватки корреспондентов. Вероятно, эта просьба была удовлетворена. Кроме советских граждан в Бюро информации работали и немцы, заработная плата которых доходила до 1500 марок в месяц, т.е. превышала размер окладов в немецких организациях в два – пять раз. Это послужило причиной для острой критики бюро со стороны командования СВАГ, указывавшего на непомерно высокие гонорары корреспондентов.

Через два дня прибегает ко мне курировавший наше Бюро капитан из СМЕРША¹². Вздвигнутый до предела, он обрушился на меня с упреком. “Как же ты меня подвел! Тебе в руки попал такой материал! Ты должен был бы мне о нем сказать! Мне же начальство устроило дикую взбучку. Мол, сидишь там бездельник и не знаешь, что происходит. Мы полгода ищем данные об американской военной администрации, потратили кучу денег, а оказывается, журналисты их уже имеют и, более того, публикуют в бюллетене. Как мы выглядим в этой ситуации перед нашим руководством?”.

Каких-либо последствий для меня это не имело. Капитан был нормальным парнем, фронтовиком, понюхавшим немало пороха, и с ним можно было спокойно регулировать отношения.

Чтобы нормально выполнять свою работу, надо было не только собирать информацию, но и накапливать личные впечатления о тех территориях, которыми ты занимаешься. Поэтому, как только на уровне Союзного контрольного совета было заключено соглашение об обмене журналистскими делегациями, меня стали включать в их состав, в том числе и руководителем.

В этом качестве я неоднократно посещал английскую, американскую и французскую зоны оккупации. Присутствовал на нескольких судах над нацистскими военными преступниками, последовавших за главным Нюрнбергским процессом. Встречался с крупными политическими лидерами, интервьюировал их. Стал сам писать аналитические доклады, публикуя их в бюллетенях.

В состав журналистских делегаций обычно входили и московские корреспонденты. Это открывало передо мной возможность познакомиться со многими интересными людьми. Так, однажды в группу, которую я возглавлял, включили В. Некрасова, только что получившего Сталинскую премию за повесть “В окопах Сталинграда” и согласившегося выступить в роли корреспондента “Литературной газеты”. Мне, конечно, было предельно интересно и лестно иметь дело с таким незаурядным человеком.

Но я не только брал, но и кое-что и давал своим московским спутникам. У них, как правило, были очень туманные представления о западных зонах и вообще о Германии. Я же, непрерывно пребывая в германской информационной кухне, набрался некоторых знаний, неплохо представлял себе ситуацию в западных зонах, отношения, сложившиеся между различными фракциями и партиями, набор проблем, вокруг которых велись дискуссии и т.д. В западных зонах у меня завелись хорошие знакомые, которые, посещая Берлин, информировали меня, заходили ко мне и в Бюро, и домой, что, правда, впоследствии вышло мне “боком”, когда, спустя несколько лет, в результате интриг в руководстве СВАГ Бюро информации подверглось беспощадному разгрому¹³.

¹² СМЕРШ (“смерть шпионам”) – Управление военной контрразведки, созданное летом 1942 г. на базе особых отделов Наркомата обороны СССР. Одной из его главных задач являлась борьба со шпионской, диверсионной и подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии. Подчинялся этот орган непосредственно Верховному Главнокомандующему. В 1948 г. передан в ведение МГБ СССР.

¹³ Подобная инициатива А.А. Галкина как сотрудника Бюро информации СВАГ стала поводом для привлечения его к “партийной ответственности”. Нужно отметить, что документ датирован 1949 г. Как и на многих других сотрудников, работавших в системе Советской военной администрации, на А.А. Галкина собирались компрометирующие материалы. В нужный момент они должны были стать поводом, а иногда и основанием для увольнения из системы СВАГ и отправки в Советский Союз. Формулировки и стиль отрывка из документа, приведенного ниже, красноречиво свидетельствуют об этом: “Галкин А.А. и другие (Гринберг, Кацева, Штерн, Тартаковский) сотрудники Бюро информации устраивали несанкционированные встречи с иностранными журналистами, в том числе на частных квартирах, того же Галкина и прочих, беседы и встречи заканчивались ужином и выпивкой, из-за этого произошла групповщина и сращивание начальства с подчиненными. Дела на указанных сотрудников переданы в Политическое управление сухопутных войск для привлечения к партийной ответственности”. – ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 3, д. 4, л. 133–135.

С.М.: В документах порой содержится противоречивая информация о деятельности Управления пропаганды, о ситуации в Германии, дается иногда отрицательная характеристика некоторым сотрудникам СВАГ. В связи с этим возникает ряд вопросов относительно информационной политики в СОЗ. Кроме того, в архивных документах за 1945–1946 гг. содержатся материалы, свидетельствующие о непростых отношениях советской военной администрации с американской и английской администрациями, что находило отражение и в немецкой прессе. Насколько сложны были эти взаимоотношения в той ситуации?

А.А.: Я уже говорил о необходимости сдержанно-критического отношения к выводам проверяющих комиссий. Констатация, на которую Вы ссылаетесь, представляется мне преувеличением. В годы, о которых идет в данном случае речь, отношения между нами и бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции еще не выходили за рамки приличия.

Следует также учитывать, что в западных военных администрациях служили тогда люди различных политических ориентаций. В американской администрации, например, первоначально работало сравнительно много сотрудников, придерживавшихся левых ориентаций, как правило, антифашистов, ненавидевших нацизм и симпатизировавших Советскому Союзу. Вскоре, однако, их стали мало-помалу убирать. Им на смену, так же как и у нас, стали приходиться консервативные провинциалы. На них слова “советский” и “красный” действовали как красная тряпка на быка.

Первоначально им приходилось придерживаться некоторой политической корректности (правда, тогда еще не было такого понятия), тем более что их начальство еще не созрело для окончательной ссоры с Советским Союзом. Зато позже, с началом “холодной войны”, они в полной мере компенсировали себя за вынужденную сдержанность.

Тем не менее, и в 1945–1946 гг. западные администрации не отказывали себе в удовольствии время от времени втыкать нам “шпильки” в тех случаях, когда мы представлялись. На память приходит одна из наиболее заметных. В западных секторах Берлина в 1945 г. арестовали, а затем осудили на несколько лет антифашиста из района Веддинг. Его обвинили в том, что в период пребывания наших войск в Западном Берлине он, будучи назначен бургомистром своего района, вместе с советским комендантом незаконно национализировал имущество бывших нацистов.

Юридическая сторона дела тогда никого не интересовала. Что думали по этому поводу западные правоведы, я не знаю. У нас в СВАГе восприняли это как прямой удар по репутации нашей страны, поскольку подсудимый был назначен советскими властями и действовал вместе с советским комендантом, по его указанию. Получалось, что вместо того, чтобы ловить нацистских преступников и осуществлять согласованную денацификацию, западные администрации, придя в Западный Берлин, начали охоту на тех, кто встал на путь сотрудничества с советскими властями.

В некоторых газетах, начавших выходить в Западном Берлине, стали появляться завуалированные намеки, которые, при желании, можно было расценить как выпады против СССР. Но то, что это было целенаправленной, идеологической атакой на Советский Союз, я бы не сказал.

С.М.: Документы содержат также данные о существовании и деятельности подпольных профашистских групп. Что Вы можете об этом рассказать?

А.А.: Я специально не исследовал этой проблемы. Может быть, кое-что подобное и было. Но меня по приезде поразило другое. Приехав в Германию, я на первых порах исходил из того, что 12 лет фашистского господства, тяжелейшая война не могли пройти бесследно. Видимо, в Германии должны были возникнуть какие-то направленные против нас подпольные движения, тем более что в газетах появилась информация, согласно которой Гитлер накануне окончательного поражения создал террористическую

подпольную организацию “Вервольф”¹⁴ (оборотни. – С.М.), призванную совершать нападения на представителей оккупационных держав.

Поэтому я захватил с собой все три имевшиеся у меня пистолета: положенный мне по штату “ТТ”, трофейный “Вальтер”, подаренный мне разведчиками, и подобранный мною на поле боя маленький дамский браунинг. Первую неделю пребывания в Берлине я ходил со всеми тремя, как кинематографический ковбой. Потом спрятал их в чемодан и спокойно бродил по городу даже в ночные часы.

Немцы народ организованный и лояльный к власти. Если она утвердилась, ей надлежит подчиняться. Но дело было не только в этом. Всем им настолько осточертела война, они так устали от связанных с ней разрушений и потерь, что начинать (или даже терпеть) новые вооруженные игры не желали.

Возможно, что-то и было, но нужно помнить, что у немцев были на то основания. В страну пришла чужая армия. И пока она не навела порядок, было всякое. Вооруженные силы никогда и нигде не состоят из ангелов. К тому же она состояла из людей, прошедших всю войну. А это обычно притупляет представления о собственности, жизни и смерти. Не говоря уже о том, что почти все наши войска, вступившие на территорию Германии, на уровне рядовых состояли из тех, кто пережил фашистскую оккупацию.

У этих людей были свои счеты с немцами. Их настроения определялись тезисом: “вы у нас натворили черт-те что. Когда мы придем к вам, то рассчитаемся”. Нередко реализация этого тезиса оборачивалась насилием. Но насколько я могу судить по собственному опыту, армию через несколько недель после окончания войны убрали в казармы. Насильников жестоко наказали, и к началу 1946 г. в нашей зоне оккупации был наведен относительный порядок. Вне казарм в форме на улицах появлялись только те, кто имел на то право. В увольнение за пределы казармы редко выпускали даже строевых офицеров.

Более того, меня удивляло то, что, прожив в Берлине свыше четырех лет, я не был свидетелем ни одного неприятного инцидента и мне даже в голову не приходила мысль вынуть из чемодана пистолет. Вот когда я возвращался в 1945–1946 гг. в Москву, то всегда выходил из дома с “ТТ”.

С.М.: В документах обращается внимание на то, что пропагандистская работа как среди работников СВАГ, так и местного населения недостаточна: мало печатается статей, неэффективно используются средства пропаганды, недостаточно передач по радио и т.д. Почему Управление пропаганды так недобросовестно выполняло свои обязанности?

А.А.: Вопрос о том, как следует измерять эффективность пропаганды, дискутируется до сих пор. Очевидно, однако, что она определяется вовсе не количеством статей или радиопередач. Но проблема, действительно, была. Советские идеологические структуры не были ни содержательно, ни организационно готовы к успешной идеологической работе в чужой стране с ментально иным народонаселением. Для подобной работы надо заранее готовить кадры. У американцев разработка планов будущей оккупационной деятельности началась еще задолго до “броска через Ла-Манш”, в 1942 г. Заранее был произведен подбор кадров для военной администрации, прогнозировалась вероятная обстановка.

¹⁴ “Вервольф” – созданные в последние дни войны ополченческие подразделения для ведения партизанской войны в тылу наступающих союзнических войск. Отряды “Вервольфа” формировались из военнотружеников, СС, служащих РСХА, беженцев с Востока. Члены “Вервольфа” набирались в том числе из подростков и пожилых лиц, как и фольксштурм, проходили краткий курс боевой подготовки, их целью было совершение диверсий в тылу наступающих войск союзников. Пожалуй, самое громкое нападение, 16 июня – убийство военного коменданта Берлина генерал-полковника К.Э. Берзарина. Чтобы не поднимать панику среди красноармейцев, было озвучено, что он погиб в автокатастрофе: грузовой автомобиль столкнулся с мотоциклом коменданта.

Отсюда, скорее всего, повышенный спрос на сотрудников 7-х отделов¹⁵. Это были единственные люди, которые неплохо знали немецкий язык, хоть немного разбирались в немецком менталитете. Но их было очень мало. Тех, кто был под рукой, быстро разобрали в Бюро информации и в Управление пропаганды. Основной же состав СВАГ формировался за счет оказавшихся в резерве фронтовых офицеров. Уровень их знаний о немцах, о Германии и о задачах оккупационной политики нетрудно себе представить.

Не лучше обстояло дело с пропагандистскими кадрами, функционировавшими в Москве. Приведу несколько примеров. Бюро информации было тесно связано с Совинформбюро в Москве. В частности, там готовились для нас материалы о жизни в Советском Союзе, которые предполагалось размещать в немецкой печати. Имелось в виду, что их будут готовить специалисты. Но поскольку эти специалисты не имели никакого представления о менталитете немцев и, вообще, западной публики, то их опусы вызвали отторжение. Немецкая пресса напрочь отказывалась брать их для публикации. Чтобы решить проблему, нам пришлось сформировать группу немецких литераторов-“переписчиков”, которые превращали присланное чтиво в нечто пригодное для печати.

Другой пример. В первый же день моей работы в Бюро информации я, завершив свои дела, сел на трамвай и направился к центру Берлина. И тут же мое внимание привлекли многочисленные огромные плакаты, на которых крупным шрифтом было написано: “Ivan der Schreckliche” (“Иван Ужасный”). Разумеется, я первоначально решил, что это фашистская пропаганда, которую почему-то не убрали, хотя с момента капитуляции гитлеровской Германии прошло более четырех месяцев. А как же иначе! Каждому фронтовику было известно, что немцы на фронте именовали нас всех “иванами” – подобно тому, как мы называли их “фрицами”. А то, что “Иван” – ужасный ежедневно твердила нацистская пресса.

И только внимательно присмотревшись, я сообразил, в чем дело. Наши гениальные пропагандисты из “Совэкспортфильма” решили облагодетельствовать жителей советской зоны, предоставив им возможность ознакомиться с избранными произведениями советского кино. И не нашли ничего лучшего, чем привести в Германию фильм Эйзенштейна “Иван Грозный”. При этом было проигнорировано то обстоятельство, что немецкое слово “Schreckliche” звучит по-немецки не столько как “грозный”, сколько как “ужасный”, “отвратительный”.

Естественно, я немедленно вернулся назад, в Бюро, бросился в кабинет к Беспалову. Он уже был в курсе дела. «Сам только что видел. Позвонил члену Военного совета и в Москву, – сказал он мне. – Плакаты сейчас уберут. А вопрос о целесообразности проката “Ивана Грозного” в советской зоне оккупации будут решать наверху». Вот такая “эффективная” пропаганда.

С.М.: В документах часто встречаются замечания, что публикации в немецкой печати поверхностны, мало аналитических статей. Создается впечатление, что немцев вообще не интересовали вопросы идеологии? Так ли это? Или мы проиграли битву за “души немцев”.

А.А.: Сначала мы шли, как на бегах, – “ноздря в ноздю”. Затем стали отставать. В 1947 г. наша политика в отношении стран Восточной Европы (в том числе советской зоны оккупации) начала меняться. Анализ причин этого заслуживает особого разговора. Но признаки этого были налицо. Со все большей очевидностью она стала терять первоначальную гибкость. И это наносило ей ощутимый вред. Мы, в Бюро информации, ощущали перемены достаточно рельефно. Изменилась ориентация указаний, поступавших из Москвы. Она предполагала значительно большую жесткость при проведении оккупационной политики. Начал меняться характер печатных мате-

¹⁵ 7-е Управление Главного политического управления Красной Армии (с 1946 г. – Главное политическое управление ВС СССР) создано с целью ведения контрпропагандистской работы в войсках противника.

риалов, присылаемых нам из Центра. Был явно взят курс на коренное преобразование общественно-политической системы во всей сфере влияния СССР.

Соответственно, началась замена кадров. Людей, которые создавали СВАГ, играли решающую роль при формировании и становлении немецкой администрации и налаживали нормальную жизнь в советской зоне оккупации, стали в массовом порядке отправлять домой. Им на смену приезжали работники иного склада, отобранные по формальным (анкетным) показателям. Их профессиональный и интеллектуальный уровень был существенно ниже, чем у предшественников. Они были способны, не рассуждая и не возражая, выполнять указания начальства. Но инициативы не проявляли и собственного мнения не имели. Пребывание в Германии рассматривалось ими, прежде всего, как удобная ступенька в карьере. Главным было не дело, а то, как проведенное время скажется на дальнейшем продвижении по службе.

С.М.: Смена кадрового состава, ужесточение политики СССР в Германии и прочие изменения пришлось на период, который принято считать началом “холодной войны”. Мы с Вами неоднократно говорили об особенностях хронологии послевоенной истории Германии, о переломном периоде 1947–1948 гг. и о его причинах. Но лишь вскользь касались самой проблемы “холодной войны”. В связи с этим мой вопрос: когда она, по-вашему, началась и какие причины тому послужили?

А.А.: Вы затрагиваете тему, которая требует долгого и детального разговора. Ей посвящены даже не сотни, но тысячи томов. Тем не менее попытаюсь ответить предельно сжато.

Назвать точную дату начала “холодной войны” невозможно. Попытки определить ее во многом обусловлены гипнотическим воздействием слова “война”. Если война, значит, у нее есть точка отсчета – точное, конкретное начало. Но “холодная война” была войной особой. У нее был более или менее ясный конец, но весьма размытое, “ползучее” начало.

Первые признаки “холодной войны” начали проявляться сразу после Потсдама. Нам это стало, в частности, заметно по тому, как складывалась работа Союзного Контрольного Совета¹⁶. Ее ход постоянно демонстрировал, что позиции держав-победителей расходятся – и чем дальше, тем больше.

Я несколько раз присутствовал на этих заседаниях. Высокие представители СССР, США, Великобритании и Франции не столько обсуждали реальные проблемы, сколько озвучивали декларации, отражавшие позицию правительств своих стран. А они были весьма различными. И договориться было все труднее и труднее.

Иногда пустота ведущихся разговоров была настолько очевидной, что они приобретали буквально анекдотический характер. Я вспоминаю одну написанную американским журналистом очень остроумную статью, описывавшую очередное заседание Союзного Контрольного Совета.

“Главными на этом совете, – писал он, – являются вовсе не маршалы и генералы, но их переводчики. Каждое произнесенное слово надлежало переводить, а в науке о переводе до сих пор немало белых пятен. Каждые несколько минут возникала заминка. У переводчиков появлялись сомнения: в какой окончательной форме надлежит преподнести его начальству. Начинался филологический спор, который занимал длительное время. Маршалы и генералы, не зная, что делать во время мучительных пауз, молча и растерянно смотрели друг на друга. Невольно создавалось впечатление, что они ждут не дождутся обеденного перерыва”.

¹⁶ Четверо главнотруководящих (Советской, Американской, Английской и Французской оккупационных зон Германии) образовали в качестве коллективного органа власти Союзный Контрольный Совет (КС), который призван был обеспечивать на основе принципа единогласия единую оккупационную политическую линию в военных, экономических и политических вопросах. Подробнее см.: Советская военная администрация в Германии. 1945–1949 гг., с. 119–132.

Конечно, написанное было своеобразным журналистским преувеличением, но общую атмосферу, царившую на заседаниях Союзного Контрольного Совета, отражало в принципе верно.

В 1947 г. расхождения между державами-победительницами стали проявляться еще очевиднее. Тем не менее какие-то границы стороны еще не переходили. Поэтому, как мне кажется, действительно ощутимые формы “холодная война” приобрела в 1948 г., с началом так называемой Берлинской блокады.

С.М.: А в чем состояла ее причина?

А.А.: Обострение отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции было обусловлено, в первую очередь, не идеологическими причинами и не несовместимостью общественно-политических систем, как утверждают ныне некоторые исследователи. Разумеется, эти обстоятельства играли роль, но роль подчиненную. Главным было столкновение геополитических интересов. Советский Союз, возросшее влияние которого на континенте и в целом в мире, существенно выросло благодаря той роли, которую он сыграл в низвержении общего противника, претендовал на право беспрепятственно решать судьбы стран, на территории которых находились его войска. Западные державы, прежде всего США, не хотели допустить слишком заметного укрепления позиций Советского Союза в Центральной и Восточной Европе.

Особую роль в этом столкновении устремлений играл Западный Берлин, в котором, согласно предварительным соглашениям, располагались американские, английские и французские войска. Они как бы разрушали целостность пространства советских интересов, создавая угрозу их реализации. Соответственно, советское руководство хотело вытеснить эти войска за пределы своей зоны контроля, естественно, не прибегая при этом к прямому применению силы. В свою очередь западные державы были полны решимости не допустить этого, рассматривая пребывание своих войск в центре зоны советского влияния как залог ее будущего разрушения. Так Западный Берлин стал своего рода запалом, который вызвал международный пожар, названный впоследствии “холодной войной”.

Где-то на исходе весны 1948 г. в Москве было принято решение осуществить ряд мер, в результате которых западные державы окажутся перед необходимостью вывести свои воинские подразделения из Западного Берлина. Имелось в виду постепенно перекрывать коммуникации (железную дорогу и автомобильные магистрали), по которым осуществлялось снабжение западных оккупационных войск и населения Западного Берлина из западных зон Германии. Одновременно предполагалось организовать продовольственное снабжение населения Западного Берлина из советской зоны оккупации. Это, де, с одной стороны, породит симпатии населения Западного Берлина к Советскому Союзу, а с другой – поставит западные державы в такое положение, когда они будут вынуждены незамедлительно вывести свои войска в западные зоны оккупации. Примерно так объясняли задумку московских стратегов прибывавшие из Центра для информирования представительные делегации.

Подобная стратегия могла прийти в голову лишь тем, кто не имел никакого представления ни о реальной позиции западных держав, ни о настроениях большинства населения Западного Берлина. Для нас же было абсолютно очевидным, что западные державы ни при каких условиях не пойдут на уступки в этом вопросе и что большинство западных берлинцев окажет им в этом отношении полную поддержку. Кое-кто из наших специалистов пытался “пискнуть” по этому поводу, но их быстро “поставили на место”.

Впоследствии все произошло именно так, как мы и опасались.

С.М.: Не являлись ли страхи наших бывших союзников относительно дальнейших планов Советского Союза преувеличенными, а наши оценки собственных сил ошибочными? В чем, по-вашему, был просчет?

А.А.: Я не убежден, что западные державы всерьез предполагали, что Советский Союз собирается поглотить Западную Европу, что Красная Армия готовится к походу к Ла-Маншу. У них неплохо работала разведка, и они не могли не знать, что руководство СССР всерьез озабочено послевоенной разрухой, что у него сложная продовольственная ситуация, катастрофически не хватает рабочих рук и что в связи с этим форсируется демобилизация армии. Скорее всего, нагнетание страхов в том, что касалось намерений СССР, было формой пропагандистского оправдания кардинального поворота от пусть пошатнувшегося, но, тем не менее, еще сохранившегося союза с нами к откровенному противостоянию и вражде.

Мы тоже не были такими “белыми и пушистыми”, как изображала нас собственная пропаганда. Ввели себя непредусмотрительно. И ошибок делали тоже немало. Мне, например, особенно очевидны те, которые были допущены в Германии. Не нужно было стремиться к советизации нашей зоны оккупации. Для этого не было объективных предпосылок. Достаточно было ограничиться реформами, предусмотренными Потсдамскими соглашениями: денацификацией, демилитаризацией и демонополизацией. Это облегчило бы поиски нового “модуса вивенди” с союзниками. Надо было, не особо афишируя свою позицию, смириться с тем, что нас, в конечном итоге, устроит такая Германия, которая будет готова придерживаться политики устойчивого нейтралитета и ограничения военного потенциала. Исходя из этого, можно было пойти на всеобщие выборы, даже понимая, что в результате, в лучшем случае, укрепится социал-демократия, которую мы тогда, скажем прямо, не очень любили. Иными словами, следовало стремиться к тому, что было, в конечном счете, осуществлено в Австрии. Это бы вовремя избавило нас от последующей головной боли.

С.М.: В США, как известно, существовали планы превращения Германии в аграрную страну. Мы же обратились к ним позже, когда западные страны уже отказались от этой политики. Что заставило нас пересмотреть прежний курс?

А.А.: Мы и не собирались превращать Германию в “картофельное поле”, как это предусматривалось в так называемом “плане Моргентау”. К концу 1949 г. в советской зоне оккупации практически был восстановлен весь ее основной промышленный потенциал. Репарации за счет демонтажа отдельных промышленных предприятий, действительно, диктовались потребностями разрушенного советского народного хозяйства. Другое дело, что решить возникшую проблему можно было другим, более прогрессивным и эффективным способом.

С.М.: Эти решения принимались на самых высоких уровнях?

А.А.: Да, в Политбюро ЦК и Совете министров.

С.М.: Какие причины и в какой последовательности оказывали наиболее серьезное влияние на советскую политику в Германии? Идеологические, экономические, политические?

А.А.: Я думаю, что они действовали параллельно. Причем в разные времена их роль была различной. На первых порах, в ходе войны с фашистским блоком, решающее значение имели внешнеполитические соображения. Мы решали проблемы с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции, касавшиеся обращения с побежденной Германией, послевоенного мироустройства, раздела сфер влияния и расстановки сил в Европе. Но как только кончилась война, начали набирать силу экономические факторы. Тем более что мы перенапрягли свои силы. В сфере нашего влияния оказались огромные территории, нуждавшиеся в восстановлении. Нужно было доказывать населению этих территорий, что под нашей эгидой можно жить не хуже, а лучше, чем прежде. И все это требовало мощных финансовых вложений.

С.М.: Какую роль играла идеология в нашей работе в Германии?

А.А.: Идеологическая составляющая присутствовала всегда, но в разной степени. В области внешней политики она издавна не играла существенной роли. Еще Чичерин в свое время решительно настаивал на размежевании государственной внешней поли-

тики и политики Коминтерна. И хотя эта линия первоначально натолкнулась на ожесточенное сопротивление, в конечном счете она одержала верх. Идеологические мифы в других сферах сохранялись дольше, но затем и они были отодвинуты в дальний угол, ибо мешали решению экономических проблем.

С.М.: Каким, по-вашему мнению, мог быть механизм более успешной реализации возможностей, открывшихся перед Советским Союзом в ситуации, сложившейся после победы?

А.А.: Конечно, легко предписывать рецепты спустя столько лет после некогда свершившихся событий. Как писал великий поэт прошлого Ш. Руставели в своей классической поэме “Витязь в тигровой шкуре”, “каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны”. С учетом сказанного могу констатировать лишь следующее. После победы всегда полезно всерьез задуматься над тем, что победившая сторона может сохранить, а чем придется пожертвовать во имя достижения неизбежной совокупности компромиссов. В противном случае можно создать себе больше новых проблем, чем те, которые вроде бы были решены в ходе войны.

С.М.: Во время работы в Германии Вас интересовали взаимоотношения между политическими партиями. И какими, по-вашему, были эти взаимоотношения?

А.А.: Традиционными. В этот период в Германии, как на Востоке, так и на Западе, уже сформировались партийные системы. В советской зоне оккупации усилиями советской военной администрации отношения между партиями на первых порах удерживались в пределах корректности. В западных зонах обстоятельства складывались по-разному.

С.М.: Это было не единовременное событие? Вы можете в общих чертах рассказать о процессе обострения?

А.А.: Сначала западные военные администрации вообще не допускали появления у немцев политических партий. Потом разрешили их деятельность лишь на местном, в лучшем случае на земельном уровне. Первоначально ставка делалась на антифашистские политические силы. Затем, по мере обострения отношений между союзниками, в западных зонах наметился нарастающий крен вправо. Оккупационные власти начали вытеснять представителей КПГ из органов массовой информации. У одного редактора, близкого к КПГ, отобрали лицензию, другого сняли с поста. Убрали обозревателей левой ориентации с мюнхенского радио и т.д.

Соответственно, возросла поддержка военными администрациями правых политических сил. В результате приняли острые формы отношения между партиями различных политических ориентаций. Крайне напряженный характер приобрели отношения между КПГ и СДПГ.

В свою очередь в советской зоне оккупации обострились отношения между политическими силами, ориентирующимися на СССР, и теми, которые делали ставку на Запад.

С.М.: Социал-демократы обвиняли коммунистов в том, что в советской зоне оккупации представители КПГ заняли все ведущие посты в немецкой администрации.

А.А.: Это давняя история трудных взаимоотношений в левом лагере, прежде всего между социал-демократами и коммунистами. Наша официальная линия в советской зоне оккупации исходила, прежде всего, из необходимости поддержки коммунистов, хотя и перед социал-демократами первоначально открывались неплохие возможности. В первые месяцы после краха гитлеровского режима в советской оккупационной зоне вроде бы начала складываться нормальная партийная система. Однако после 1947 г. она постепенно выродилась в карикатуру.

Началось это с насильственного объединения СДПГ и КПГ. Немцы еще хорошо помнили, как в годы Веймарской республики социал-демократы и коммунисты всячески поносили друг друга. Дело, как известно, даже доходило до прямых физических

столкновений. А мы, не считаясь ни с чем, принуждая их к объединению, выкручивали руки и тем и другим¹⁷.

С.М.: Каждая из партий хотела оставаться самостоятельной?

А.А.: Конечно. Социал-демократы просто не хотели объединения. У коммунистов тоже было немало обоснованных претензий к социал-демократам. Последние во времена Веймарской республики достаточно жестко обращались с ними. Так что и для КПГ все это было очень непросто. Но раз настаивает Москва, считали они, значит, на то есть достаточно веские основания.

С.М.: Причиной объединения было то, что коммунисты не имели достаточной поддержки среди немецкого населения?

А.А.: Коммунисты имели свой электорат, но он оставался сравнительно небольшим. Какой электорат у социал-демократов был тогда, не совсем ясно, но он, условно, был значительно больше, чем тот, которым располагала КПГ.

Вмешательство советских военных властей в политический процесс не ограничивалось давлением в пользу объединения СДПГ и КПГ. По инициативе СВАГ в советской зоне оккупации была создана специальная политическая организация для крайне правых – Национал-демократическая партия. Это было связано с тем, что, налаживая нормальную жизнь в зоне, Советская военная администрация столкнулась с крайне сложной ситуацией. Подавляющее большинство образованных специалистов: управленцы, инженеры, врачи, учителя и т.д., состояло прежде в НСДАП. Реализация в полном объеме провозглашенного союзниками принципа денацификации и осуществление абсолютной чистки привели бы к полной парализации общественной жизни и экономики.

С другой стороны, включая этих людей в общественную жизнь, невозможно лишать их прав, которыми располагают все остальные. Как сделать так, чтобы они нашли свое место в новых общественных структурах, при новых обстоятельствах? Очевидно, нужна была какая-то специфическая общественно-политическая организация.

Впервые идея создания такой политической организации, рассчитанной на поддержку части населения, не входящей в электорат антифашистских партий, насколько мне известно, родилась в Управлении информации и была поддержана С.И. Тюльпановым и В.С. Семеновым. Она сводилась к тому, чтобы при проведении денацификации не трогать бывших членов НСДАП, не занимавших каких-либо видных постов в национал-социалистической партии, не подвергать их служебной дискриминации и найти им место в политической системе¹⁸.

Реализуя эту идею, Бюро информации вместе с Управлением информации создали газету “Национал цайтунг”, для которой были характерны, с одной стороны, лояльность по отношению к Советской военной администрации, а с другой – особый интерес к национальным проблемам немецкого народа. В ней ставились вопросы национального самосознания и национальных интересов. На базе этой газеты и стала

¹⁷ 21–22 апреля 1946 г. в нашей зоне с подачи Советской военной администрации прошли совместные съезды социал-демократической и коммунистической партий Германии, на которых было принято решение об объединении этих двух политических сил и создании Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Объединение было вызвано тем, что коммунистическая партия, на чье лидерство в послевоенной Германии рассчитывала СВАГ, не имела необходимой поддержки среди населения Восточной зоны. Таким образом, левые силы должны были выступить на выборах единым фронтом. Однако данный акт вызвал огромный резонанс в немецком и мировом сообществе и привел к целому ряду политических кризисов как внутри СЕПГ, так и в политической жизни всей Германии.

¹⁸ Весной 1948 г. по инициативе СВАГ были созданы Демократическая крестьянская партия Германии (ДКПГ), объединившая часть крестьян и сельскохозяйственных рабочих, и Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), объединившая ремесленников, мелких торговцев, переселенцев, а также бывших офицеров вермахта и рядовых членов нацистской партии (НСДАП). В начале сентября 1948 г. они были приняты в Демократический блок, в который уже входили СЕПГ, ХДС и ЛДПГ.

формироваться новая партия. Она, как известно, быстро укоренилась и просуществовала в ГДР вплоть до объединения Германии. Правда серьезным соперником для ХДС и ЛДП она так и не стала.

Аналогичным путем была сформирована и Демократическая крестьянская партия. Осуществлялись и другие политические акции. Обо всех них в интервью не расскажешь. Для этого потребовалась бы целая книга.

Я с самого начала не был сторонником объединения КПП и СДПП. Зная реальную ситуацию, я считал, что предпосылок для реализации такой акции не существует и что добиваясь ее, используя административные рычаги, – только вредить делу.

С.М.: Но ведь так в итоге и получилось?

А.А.: Практически произошло не объединение, а частичное поглощение социал-демократических структур. Наиболее видные деятели зональной социал-демократической партии (Гнифке, Дарендорф и многие другие) стали убегать на Запад. В самой советской зоне оккупации возникла и начала активно действовать подпольная социал-демократия. Западногерманские социал-демократические организации, сплотившиеся вокруг К. Шумахера, заняли позиции, крайне враждебные Советскому Союзу.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что инициатива в этом отношении исходила не от Советской военной администрации, не от Управления информации или иных подразделений СВАГ. Многие специалисты, работавшие в Германии, крайне скептически относились к этому курсу. Решение об объединении было принято на самом высоком уровне в Москве, которая непрерывного добивалась отчета о том, как движется процесс объединения, и требовала пустить в ход все возможные административные рычаги.

С.М.: А цель этого процесса?

А.А.: Цель, насколько я понимал, состояла в том, чтобы передать советскую зону оккупации в руки управляемых людей, ориентирующихся на Советский Союз. Иные, в том числе идеологические соображения, играли подчиненную, второстепенную роль.

С.М.: Что привлекало бывших членов НСДАП именно в Национал-демократическую партию, а не в “буржуазные партии”?

А.А.: Для этой партии была написана вполне приемлемая программа. Над ней работали знающие люди. В ней учитывался менталитет ее будущих сторонников. Она не требовала от них серьезной переориентации. Это было убежище для тех, кто оправдывал себя тем, что сама по себе национальная идея хороша, но ее реализация в прошлом была плохой. Плохим было и прошлое руководство страны, которое привело ее к катастрофе.

Либерально-демократическая партия, отрицавшая привычные для немцев национальные ценности, их не устраивала. Не устраивал их и Христианско-демократический союз, бывший, в их глазах, конфессиональной партией.

С.М.: Ни одно событие в жизни человека не проходит бесследно. В какой мере Ваше пребывание в послевоенной Германии и работа в Бюро информации повлияли на Вашу дальнейшую судьбу?

А.А.: Когда я приехал в Германию, у меня за спиной были школа десятилетка, которую я закончил в Минске, и война, которая сама по себе неплохой университет, но очень своеобразный. Война меня многому научила. Но это была не та наука, в которой я нуждался в послевоенной жизни.

Многое мне дало общение с моими коллегами по работе в СВАГ. Я учился у них, подражал им. Они устойчиво пребывают в моей памяти, несмотря на прошедшие многие годы. Назову лишь некоторых из них.

Сергей Иванович Тюльпанов. В 1945–1949 гг. – начальник Управления информации. Умница, интеллектual, интересный и смелый человек. Очень хорошие воспоминания о нем остались у многих немцев, которые имели с ним дело. В 1949 г. московское начальство попыталось его съесть, но “подавилось”. На протяжении ряда лет он преподавал в Ленинграде, в военно-инженерном вузе, потом стал проректором Ленинградского университета. В эти годы мы часто встречались и беседы с ними меня

очень обогатили. Он был по натуре политиком большого масштаба. И то, что его талант не использовали в должной мере, можно объяснить лишь тупостью тех, кто стоял выше¹⁹.

Георгий Михайлович Беспалов, о котором уже шла речь выше, – заместитель начальника, а затем начальник нашего Бюро. Интересный, яркий, неординарный человек, в прошлом видный деятель Коммунистического Интернационала молодежи. Обладал богатейшим опытом международной работы. После возвращения в Москву был одно время заместителем руководителя Совинформбюро, заместителем начальника Всесоюзного радиокомитета, членом редакционной коллегии журнала “Международная жизнь”. Очень демократичный, открытый, не надувал щеки, не строил из себя начальника. К нему всегда можно попасть, откровенно поговорить. В Берлине нас разделяла служебная дистанция. Но в Москве мы сблизились и стали неразлучными друзьями.

Моим коллегой по работе в Бюро, с которым мы много месяцев сидели рядом в одном кабинете, был майор С.Д. Кацнельсон²⁰. Он мне понравился с самого начала. Приветливый, открытый, доброжелательный. Я знал, что он тоже “седьмоотделец”, с Ленинградского фронта. И вдруг случайно до меня дошло, что он именитый ученый-лингвист, доктор наук, ученик самого Н.Я. Марра. Представляете, что это для меня, недоучки, означало. Такой человек и ведет себя со мной на равных! Но он, действительно, вел себя так, будто мы – ровня. А я, в свою очередь, постоянно впитывал его опыт.

Занятый на работе в Бюро “по горло”, Кацнельсон продолжал составлять словарь языка одного из племен австралийских аборигенов²¹. Как-то я его спросил: “Когда вы успеваете?”. А он: “В 5 утра встаю, в 6 сажусь за работу. Таким образом, три часа до 9.00 – мои”.

Я попытался усвоить этот опыт. Вроде бы получалось. Это помогло мне успешно завершить заочную учебу в университете за три года – вместо положенных шести. И много лет спустя я регулярно вставал в 5 утра, а в 6 брался за работу. Это действительно лучшее время, когда свежа голова и в нее беспрепятственно приходят нетривиальные мысли. За три часа можно сделать больше, чем за двенадцать в другой обстановке.

¹⁹ 17 сентября 1949 г. заместитель начальника ГПУ ВС СССР С. Шатилов в докладной записке Г.М. Маленкову предложил освободить С.И. Тюльпанова от занимаемой должности главы Управления информации, запретить ему выезд за границу и использовать на работе внутри страны. Основанием для этого послужили факты из его биографии, показания его личного шофера Лукина, а также бывшего сотрудника Управления информации И.М. Фельдмана, который, признавшись в своих преступлениях, показал, что Тюльпанов не только попустительствовал этому, но и сам вступал с ним в преступные сделки и занимался вымогательством. Эти показания, а также обнаруженные в его квартире при обыске 35 книг фашистского содержания, послужили поводом отозвать Тюльпанова в СССР и освободить от должности в СВАГ. Подробнее см.: Управление информации (пропаганды) и С.И. Тюльпанов 1945–1949 гг., с. 232–239.

18 октября 1949 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение: “О т. Тюльпанове С.И. Принять предложение ГПУ ВС СССР об освобождении генерал-майора Тюльпанова С.И. от работы начальника Управления информации СВАГ”. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 567, л. 179.

Несмотря на многочисленные приглашения из Германии и личные просьбы С.И. Тюльпанова о выезде за границу на конференции или, например, для получения степени почетного доктора наук Лейпцигского университета, ему постоянно отказывали. Лишь с 1965 г. С.И. Тюльпанов получит разрешение выезжать за границу. В это же время он станет доктором экономических наук, профессором, а в 1972 г. – заслуженным деятелем науки РСФСР.

²⁰ Кацнельсон Соломон Давидович (1907–1985) – начальник 7-го отдела Политического управления Ленинградского фронта, служил в газете “Tagliche Rundschau”, затем в Бюро информации СВАГ, работал переводчиком на Нюрнбергском процессе. Языковед-теоретик, классик отечественной лингвистики, изучал проблемы соотношения языка и мышления, теории значения, морфологии, синтаксиса, акцентологии германских языков.

²¹ Речь идет о словаре языка аранда. Аранда – диалектический континуум австралийских языков пама-ньюнгской языковой семьи. Распространен на севере Австралии.

Несмотря на увлечение наукой и занятость на работе в Бюро, Кацнельсон, будучи киноманом, таскал меня по кинотеатрам. Сам я, по собственной инициативе, никогда бы не просмотрел столько кинофильмов. В то время в каждом секторе Берлина соответствующие державы, в пропагандистских целях, демонстрировали публике свою кинопродукцию, естественно, показывая лучшее. Чуть ли не каждый вечер, просмотрев газету, мой сосед и ментор возвещал: “Саша, сегодня мы едем во французский или в американский сектор. Там будут показывать то-то и то-то”. И мы отправлялись. Первые два ряда во всех кино и театрах резервировались тогда для офицеров военных администраций, так что проблем с билетами мы не знали. Благодаря ему я просмотрел чуть ли не всю мировую классику кино.

В 1946 г. при Бюро информации был организован пресс-клуб, который плотно освоили не только наши сотрудники, но и многочисленные иностранные корреспонденты. В клубе регулярно проводились пресс-конференции. В нем же организовывались приемы для приезжающих из Москвы почетных гостей. Там я познакомился с Д.Д. Шостаковичем, К.М. Симоновым, А.А. Фадеевым. Приезжали к нам в клуб и немецкие знаменитости. Например, известная актриса Е. Вайгель со своим еще более знаменитым супругом Б. Брехтом. Он был скромным, немного застенчивым, не похожим на классика драматургии. Рассказывали о своем творчестве, о проблемах. Представляете, каким событием были для меня, еще практически мальчишки, такие встречи.

С.М.: А как повлияли все эти встречи, события, работа на Вашу дальнейшую судьбу? Они помогли Вам определиться?

А.А.: Естественно. До этого я не представлял себе всерьез дальнейшей жизни, дальнейшей деятельности. Когда человеку 23 года, а вся его взрослая жизнь – это война, трудно самостоятельно сосредоточиться на будущем. Быть может, если бы я оказался в другой обстановке, в другом окружении – то избрал бы иной путь.

В ранней молодости, в годы индустриализации, мы все увлекались техникой. Соответственно, в нашей среде доминировало глубокое презрение к гуманитарным наукам. После школы и армии я намеревался поступить либо в Московский авиационный институт, либо в Московский энергетический институт, либо в “Бауманку”. Но получилось так, что война и послевоенная ситуация переключили мои интересы и усилия на нечто совсем иное.

Пребывание в Бюро информации, как я уже говорил, было, во многом, делом случая. Не знаю, почему я приглянулся кадровикам? Почему они вывели меня на Тугаринова? Почему я пришелся ему по душе? Почему меня, скромного капитана со средним образованием, приняли в элитарный журналистский коллектив? Блата у меня не было, особых связей тоже.

Но мне пришлось по душе порученная работа. У меня она неплохо получалась. Стало очевидным, что и учиться, неизбежно, предстоит по этой линии. Склонности к философии у меня не было. Журналистского факультета тогда вообще не существовало. Оставался исторический факультет²².

Как это ни парадоксально, но на мою более узкую специализацию оказала большое влияние беседа с К. Аденауэром²³, для которого это была первая встреча с советским журналистом. Он был тогда председателем ХДС английской зоны оккупации. Знакомясь с поступающими материалами, я вычислил, что речь идет о довольно перспективной

²² Подготовка журналистов в Московском государственном университете началась в 1947 г. Александр Абрамович поступил на исторический факультет МГУ в 1946 г., а в 1949 г. успешно окончил его.

²³ *Аденауэр Кónрад* (1876–1967) – первый федеральный канцлер ФРГ (1949–1963 гг.), один из основателей партии ХДС, а с 1946 г. – ее председатель. В 1948–1949 гг. – президент так называемого Парламентского совета. Волевой и энергичный политик авторитарного стиля, жесткий и одновременно гибкий, скептик, прагматик и в глубине души христианин-идеалист, он был чрезвычайно популярен в народе, заслужив прозвище-обращение “*Der Alte*” (“Старик” или “Хозяин”).

личности. Поэтому, готовясь к очередной поездке в английскую зону, я включил в программу пребывания, в список немецких политических деятелей, с которыми хотел бы встретиться, его фамилию. Английские власти не возражали.

Естественно, я постарался подготовиться к предстоящему разговору. Изучил биографию будущего собеседника, нашел материалы о его причастности к сепаратистскому движению в Рейнской области в годы ноябрьской революции 1918 г. в Германии, зафиксировал его сложные отношения с руководством ХДС в Берлине и считал себя созревшим для встречи, в ходе которой собирался прижать собеседника к стенке и получить что-нибудь интересное для печати.

Вышло, однако, все наоборот. Двухчасовой разговор с этой хитрой лисой, состоявшийся в Дюссельдорфе, убедил меня, что я, в действительности, еще сопляк, которому нужно учиться и учиться. Ничего интересного я не получил. Хотя я и располагал неопровержимыми данными, меня последовательно и умело водили носом об стол.

Я, естественно, был разозлен. Но не на Аденауэра, а сам на себя. Вернувшись после этой встречи в Берлин, я засел в библиотеках, разыскивая литературу, освещающую проблемы, о которых шла речь во время нашей встречи. И накопил достаточно много интересного.

Когда пришло время готовить дипломную работу, то мне уже было ясно, о чем буду писать – о сепаратизме в Германии в годы Ноябрьской революции 1918 г. К этой же теме я обратился, подготавливая кандидатскую диссертацию о рейнском сепаратизме в 1918 г. На эту же тему была и моя первая опубликованная монография.

С.М.: Ваша докторская была также посвящена истории Германии?

А.А.: Да. Я в то время уже слыл опытным германистом и, действительно, неплохо знал Германию. Тогда-то издательство “Большая советская энциклопедия” предложило мне написать книгу о фашизме. Первоначально мне казалось, что подготовить такую книгу не сложно. Ведь о фашизме, вроде бы, все известно. Но, приступив к делу, я внезапно обнаружил, что все обстоит иначе. Оказалось, что в нашей стране, которая так пострадала от фашистской агрессии, о фашизме почти ничего (не считая примитивных агиток) не написано и не издано. Это меня зацепило, и я увлекся!

Книгу я написал сравнительно быстро. Но особенно глубокой она не была. Я придал ей преимущественно публицистический характер. Ее издали сначала в Гаване, затем в Буэнос-Айресе. Рассказывали, что она была хорошо принята публикой во всей Латинской Америке. Тем не менее у меня осталось ощущение, что я прошелся лишь по верхам. Написанное мною было довольно стандартным, не выходило за пределы устоявшихся подходов.

Между тем в процессе работы я накопил массу интересной информации. Поэтому, перейдя в 1963 г. в Институт мировой экономики и международных отношений, я решил довести начатое исследование “до ума”. Хотя я попал в отдел международного рабочего движения, а в нем занимались разработкой стратегии и тактики международного коммунистического движения и вопросами развития мирового революционного движения, в отделе мне никто не мешал заниматься своим “хобби” в свободное время. За счет отпуска я довел до конца на этот раз уже серьезную книгу о германском фашизме.

Первоначально я и не мыслил о докторской диссертации. Хотел лишь поставить точку в заинтересовавшей меня теме. Но когда книга была написана, институт проявил готовность издать ее как плановую, а когда она вышла в свет, я решил: “Почему не попробовать защититься?” Тем более что в институте появился Ученый совет по близкой тематике. Защита прошла успешно, и я стал доктором исторических наук.

Моя книга “Германский фашизм” как-то выходила за общепринятые тогда у нас рамки. Это, вероятно, привлекло внимание. Внезапно я стал популярным. Коллеги из МГУ ввели по ней спецкурс, затем это сделали в Ленинграде и на многих других исторических факультетах. Видимо, многое из того, что я писал, порождало аллюзии.

Между тем у меня никогда не было двойных стандартов. Я никогда не был “диссидентом”. Я мыслил и описывал изучаемый феномен так, как это было, как я его понимал. Дело в том, что у любых авторитарных режимов нетрудно найти сходство. Я противник уподобления коммунизма фашизму: это принципиально различные феномены. К их уподоблению можно прибегать на митинге, но не в серьезном исследовании. Конечно, сходство есть, но оно подобно тому, которое нетрудно наблюдать у человека и страуса. Оба ходят на двух ногах. В этой связи в их организмах происходит соответствующая перестройка. Но на этом следует ставить точку. Подобная констатация не позволит продвинуться дальше.

В 1987 г. ко мне обратилось издательство “Наука” с предложением переиздать расширенный вариант книги. Я включил туда то, что не попало в первый вариант. Прежде всего – две не вошедшие в него главы.

Одна была посвящена анализу электорального поведения населения в годы прихода фашизма к власти. Существует точка зрения, согласно которой многочисленные дополнительные голоса были получены нацистами прежде всего за счет электората левых партий. Детальный анализ электоральной статистики не подтверждает этого. Конечно, левые потеряли часть голосов. Но сравнительно небольшую. Главным же источником избирательного успеха нацистов были буржуазные партии. Нацисты полностью “высосали” их электорат. Эта констатация очень важна для понимания социальных корней германского фашизма.

Во второй главе рассмотрено отношение нацистской партии к религии и прежде всего к католической церкви. Оно было весьма непростым. Более того, до заключения конкордата между Берлином и Ватиканом отношения были откровенно враждебными. Но писать об этом считалось в свое время “неудобным”. В новое издание эта глава попала. Поэтому оно, безусловно, богаче, чем первое.

Вообще, вспоминая о своем прошлом, я удивляюсь тем, кто, по их словам, чуть ли не с двух лет знали, чего хотят и кем будут. Я про себя этого сказать не могу. Во многом я плыл по течению. И жизнь прибивала меня то к одному, то к другому берегу. Единственное, что меня утешает – это то, что я чист перед своей совестью.